

В. И. МАТЮЩЕНКО

(Томск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СВЯЗИ ПЛЕМЕН УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1

Вопросы взаимоотношений племен Западной Сибири и Урала в эпоху неолита и бронзы уже не раз привлекали внимание ученых. Близость культуры племен двух соседних больших районов не могла остаться незамеченной. Вместе с тем до сих пор в литературе общие черты культур Западной Сибири и Урала отмечались только попутно, при характеристике того или иного памятника. Исследователи сознательно не делали этот вопрос предметом специального изучения из-за недостатка фактического материала. В настоящей статье поставлена задача проследить основные этапы развития связей между племенами Западной Сибири и Урала в эпоху неолита и бронзы до I тыс. до н. э., используя некоторые новые опубликованные и неопубликованные материалы.

В эпоху неолита на территории Западной Сибири можно выделить две большие археологические культуры: верхнеобскую и нижнеобскую (Матющенко, 1961), которые имеют много общего. Однако близость их не настолько велика, чтобы можно было объединить обе эти культуры в одну. Вместе с тем, верхнеобская культура имеет бесспорное сходство с памятниками неолита тюменского района, относящимися к нижнеобской культуре.

Решая вопросы взаимоотношений неолитических культур Западной Сибири и Урала, исследователь встречает целый ряд трудностей. Главная из них — слабая изученность неолитических памятников в большей части Западносибирской низменности и Урала. Однако в настоящее время уже можно установить, что неолитические племена Урала имели много общего в своей культуре с племенами Западной Сибири. Об этом говорят материалы некоторых неолитических памятников Урала, например, со стоянки Полуденка, которая очень близка к верхнеобской неолитической культуре. Эта близость проявилась в форме топоров, наконечников стрел и скребков (Бадер, 1947 а, стр. 140, рис. 50—1, 2, 9—11, 15). Еще большая близость заметна в керамике. Для Полуденки характерны гребенка, образующая пояса, волнистые линии, штрихованные отступающей палочкой треугольники, ёлочка из гребенки, зигзаги из двойных и тройных линий гребенки (Бадер, 1947 а, стр. 144, рис. 51).

Но именно эти узоры, эти же приемы нанесения орнамента характерны и для верхнеобской неолитической культуры (Комарова, 1956; Дульзон, 1956; Матющенко, 1960 и 1961).

Трудно в настоящее время использовать материалы Шигирской культуры. Они еще во многом не ясны. Однако те из них, которые следует датировать неолитической эпохой, близки к верхнеобской культуре.

Уральские неолитические памятники, несомненно, имеют близкие аналогии в нижнеобской неолитической культуре и, прежде всего, на стоянках у Андреевского озера. Другие материалы нижнеобской неолитической культуры, обладая некоторыми чертами, связывающими их с памятниками Урала и Приуралья, во многом отличны от последних.

Таким образом, основное направление связей племен Урала и Западной Сибири представляется следующим: Средний Урал — Андреевское озеро — Верхняя Обь. Очевидно, что неолитические племена, заселявшие пока не исследованные пространства между Тюменью с запада и Томском и Барнаулом с востока, имели материальную культуру, очень близкую к среднеуральской и верхнеобской неолитическим культурам.

Имеющиеся материалы пока не позволяют решить вопрос о характере установления связей: являются ли они результатом этнического родства племен этой части Сибири и Урала, или только следствием возникающих в то время межплеменных отношений. Не пытаясь решить этот вопрос окончательно, считаю необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство. Общность культуры прослеживается от Урала до Средней Оби, точнее, до Среднего Чулыма (стоянка у д. Новокусково), в то время как дальше на восток мы не найдем ни одного памятника, который мог бы дать материал, аналогичный верхнеобскому, хотя в культуре племен Среднего Енисея и Верхней Оби имеются некоторые элементы сходства. Но общий облик культуры племен этих двух районов настолько специфичен, что нет никаких сомнений в различии исторических путей их возникновения. Возможно, это свидетельствует об общем происхождении и этническом родстве неолитических племен Урала и Западной Сибири.

2

Для эпохи бронзы на территории Западной Сибири выявлено несколько археологических культур: андроновская, сузгунская, томская и карасукская. На западе (от Омска и до Урала) андроновская культура существовала вплоть до VII в. н. э. В бассейне средней Оби к середине II тыс. до н. э. сложилась томская культура, существовавшая, по-видимому, до конца II тыс. до н. э. В первой половине II тыс. до н. э. в районе Тюмени и Тобольска возникает сузгунская культура, которая продолжает существовать и в конце II тыс. до н. э. На Енисее андроновская культура во второй половине II тыс. до н. э. уступила место карасукской, существовавшей до VIII—VII вв. до н. э.

Элементы карасукской культуры на границе II и I тыс. до н. э.

распространяются очень широко в лесной и лесостепной зоне Западной Сибири. На западе они известны вплоть до Омска и Тюмени, на севере — по Оби — до устья Чулыма. Одни исследователи считают, что карасукская культура существовала на всей этой территории (Грязнов, 1956; Дульзон, 1954, 1956); другие склонны выделять здесь различные культуры, в какой-то мере испытывавшие на себе влияние карасукской (Членова, 1955; Мошинская, 1957).

Общие элементы культуры и связи между Уралом и Западной Сибирью, которые наблюдались уже в эпоху неолита, несколько возрастают в период развитой бронзы, особенно между двумя культурами — турбинской и томской.

Если сравнить материалы верхнеобской неолитической культуры со стоянкой Боровое озеро I, то можно отметить значительно меньше общих черт, чем при сравнении верхнеобских памятников со среднеуральскими эпохи неолита. Так, для стоянки Боровое озеро I типичны полуяйцевидная форма сосудов и густой зубчатый штамп, очень редко встречающиеся на Оби (Бадер, 1959).

На левшинском этапе в Прикамье возникают такие элементы, которые затем существуют и в турбинское время. Эти черты известны также в томской культуре: сосуды с цилиндрической верхней частью, менее густой орнамент с усложненными узорами, «шагающая гребенка», иногда сосуды обработаны изнутри зубчатыми штампами. Таким образом, в эпоху неолита и ранней бронзы в Прикамье проникают и развиваются элементы культуры, которые в турбинское время приводят к большой близости Прикамья и Притомья.

Астраханцевское поселение, относящееся уже к гаринскому этапу турбинской культуры, имеет значительно больше общих черт с памятниками томской культуры. Общий облик его материалов удивительно близок к поселению Самусь IV на Томи. Обращают внимание зональное расположение орнамента на сосудах, преобладание в нем зубчатых узоров, форма и техника обработки каменных наконечников стрел, ножей и скребков. Появление геометрических узоров на астраханцевских сосудах О. Н. Бадер связывает с зауральской керамикой. Таким образом, и это последнее обстоятельство свидетельствует о существовании определенных связей Приуралья и Зауралья. Геометрические узоры, встречающиеся на Астраханцевском поселении, происходят скорее всего из памятников андроновской или сузгунской культуры.

Керамика турбинской культуры и лесной полосы Западной Сибири того же времени свидетельствует о тесной близости этих двух областей.

Для этих двух районов характерна ленточная техника изготовления сосудов и прием обработки внутренней поверхности сосудов зубчатым штампом. Общим для Прикамья и Притомья является расположение орнамента зонами, поясами. Эта же чертабликает с приуральскими памятниками эпохи бронзы и Сузгун II. В обоих районах встречаются одни и те же элементы орнамента: зубчатый, линейный и ямочный.

Некоторые памятники Прикамья (поселение у Малого Борового озера) дают такое же, как и Самусь IV, количественное соотношение элементов орнамента: преобладание зубчатого и небольшое количество линейного орнамента (рис. 15).

Разумеется, керамика томской культуры имеет целый ряд черт, которые отсутствуют в Прикамье. Так, например, у сосудов томской культуры всегда бывает плоское дно. Между тем в Прикамье только на поселении Забойное I встретился плоскодонный сосуд. Следует, однако, отметить, что опубликованные материалы не позволяют решить вопрос о форме дна сосудов турбинской культуры. Кроме того, в томской культуре очень широко распространены сочетания различных видов орнамента и фигурные ри-

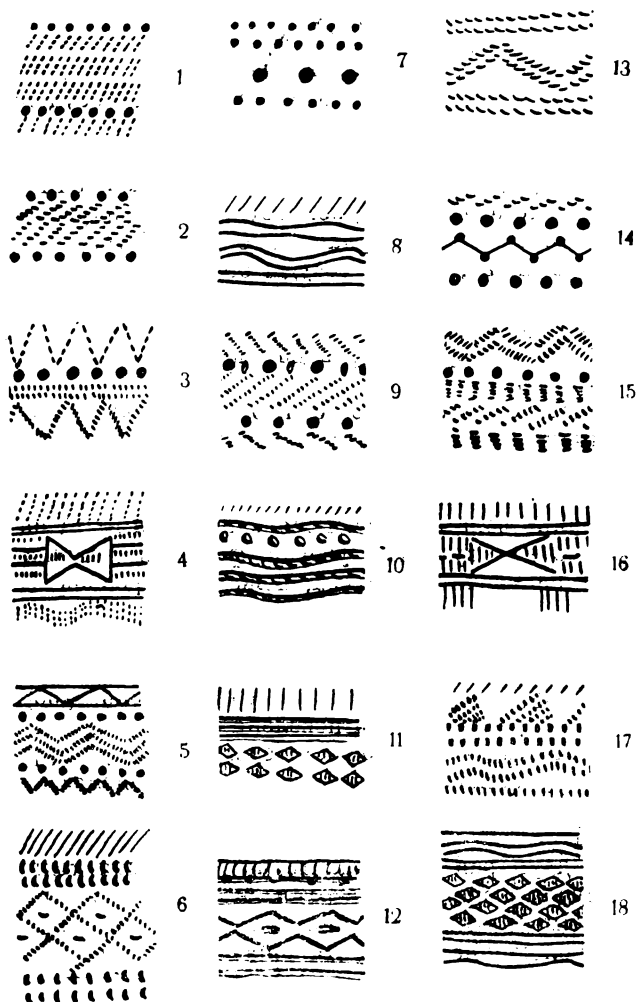

Рис. 15. Схематическое изображение элементов и узоров орнамента на керамике из поселения Самусь IV.

сунки. Все эти различия и своеобразие, которые, безусловно, имеются и в Прикамье, вполне естественны. Томь и Кама разделены столь обширными пространствами, что в культуре племен, населяющих бассейны этих рек, безусловно, складывались и свои собственные характерные черты. Кроме того, следует учитывать, что изучение томской культуры, по сути дела, только еще начинается.

В турбинское время племена Прикамья и Притомья имеют очень много общих черт также и в форме каменных орудий. Относительно Астраханцевского поселения уже говорилось выше. Асимметричные ножи, наиболее типичные для Самусь IV, очень часты и в Прикамье: в Турбинском могильнике (Бадер, 1959 б), на поселении у Малого Борового озера (Бадер и Кокарев, 1959), Забойном I (Бадер, 1959 а), Боровом озере III (Бадер, 1954 а). Встречающиеся на перечисленных выше памятниках Прикамья наконечники стрел и скребки большей частью находят себе аналогии в Самуси IV, III и в Томском могильнике.

Сходство томской и турбинской культуры проявляется также в том, что в материалах их памятников содержится большое количество грузил, шлифовальных плит и других подобных орудий.

Как на Самусь IV, так и в Прикамье встречаются каменные зубчатые штампы для орнаментации сосудов. Форма и размеры известных мне экземпляров почти одинаковы для Прикамья и Притомья.

Особенно большое сходство памятников Притомья и Прикамья обнаруживается в форме бронзовых орудий, происходящих из Турбинского могильника, Погремячинского местонахождения и поселения Самусь IV. В Турбинском могильнике и Погремячинском местонахождении обычны втульчатые копья с ушком и валиками на втулке. (Бадер, 1959 б, Бадер, 1953 г; Бадер и Оборин, 1958; Bahder, 1957). Подобные копья постоянно изготовлялись и в Притомье (Матющенко, 1959; 1960). Для копий обоих районов характерны одни и те же пропорции лезвия и втулки, то же продолжное ребро с двумя короткими валиками при переходе от втулки к лезвию. Надо, однако, заметить, что в рассматриваемую эпоху копья подобной формы были распространены по всей таежной зоне Западной Сибири. Об этом свидетельствует бронзовое копье (рис. 17), найденное в устье р. Тары геологом Г. И. Худяковым.

То же самое следует сказать о кельтах (рис. 16). Их пропорции, размеры, орнамент сближают два удаленных друг от друга района. (Збруева, 1952, табл. XXIII—2—4; Бадер, 1959 б, вторая цветная вклейка и рис. 12—1, 2).

Однако эти районы сходны не только формами копий и кельтов турбинского времени. Как в Прикамье, так и в Притомье известны также первоначальные формы этих орудий (кельты с пояском в виде горизонтальной лесенки).

В Западной Сибири известны также и настоящие сейминские кельты, украшенные штрихованными треугольниками и ромбами. (Грязнов, 1941, табл. II; Чернецов, 1947, рис. 23—1, 2; Tallgren 1916, fig. 34, pl. XI—I).

Ленточная орнаментация и некоторые другие элементы, характерные для турбинской, сузгунской и томской культур, были известны на территориях, занятых этими культурами, еще в эпоху неолита. Все указанные культуры слагаются во II тысячелетии до н. э. на этой основе. Для томской культуры мы попытались показать это в опубликованных работах (Матющенко, 1960, 1960 а). Для сузгунской культуры это проделано В. И. Мошин-

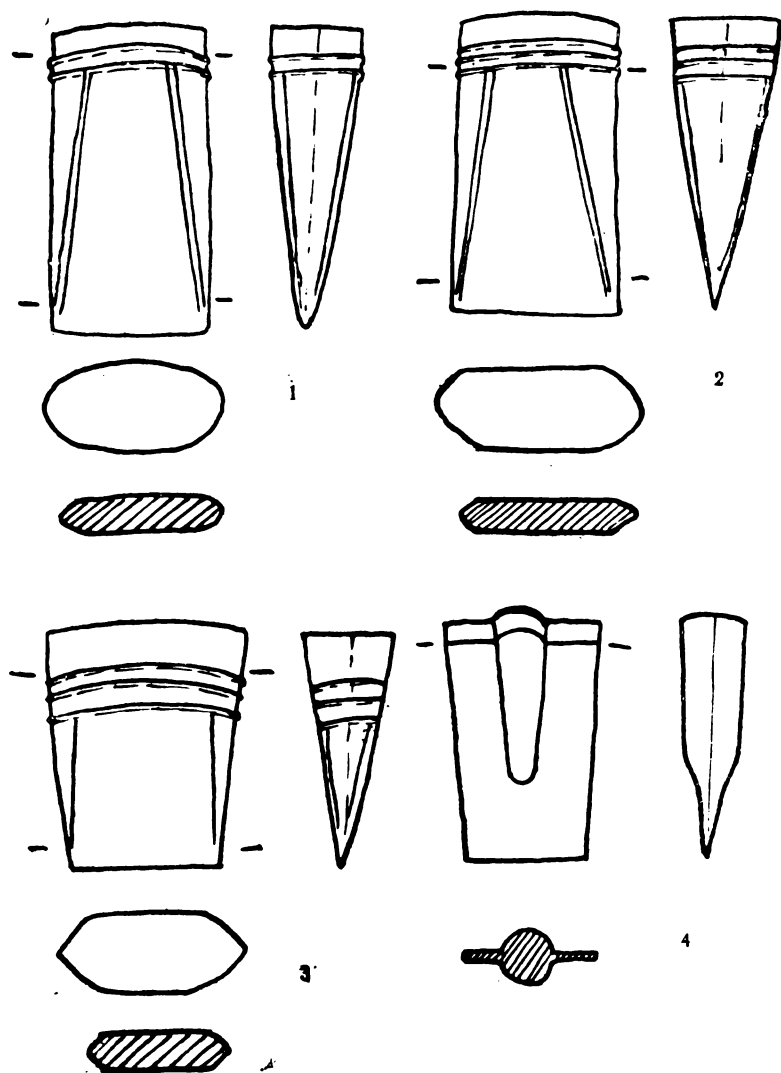

Рис 16. Кельты турбинского типа (1—3) и лопата-кельт (4) с поселения Самусь IV (отливки, сделанные по формам).

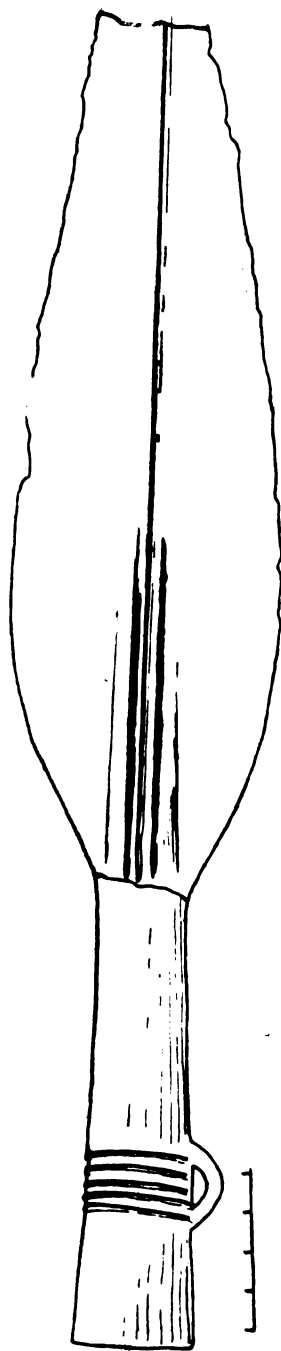

Рис. 17. Бронзовое копье с устья р. Тары,

ской (1957), а для турбинской — О. Н. Бадером (1959). Хотя сама В. И. Моштинская не приходит к такому выводу в своей публикации, он, бесспорно, вытекает из всего изложенного ею материала. Таким образом, близость турбинской, сузгунской и томской культур в эпоху бронзы была обусловлена сложившейся (еще в эпоху неолита) общностью культуры племен, населяющих широкие пространства от Оби до Урала и Камы. Правда, к этому времени верхнеобские (Новосибирск — Барнаул) берега были заняты уже андроновскими племенами, в культуре которых почти не сохранилось никаких черт культуры их неолитических предшественников. Носителями неолитических традиций в эпоху бронзы явилась другая группа верхнеобских племен, населявших берега Томи: они создали во II тыс. до н. э. томскую культуру, отличную от андроновской.

Тюменско-тобольские племена, сохранившие в своей культуре ряд черт неолитического времени, испытали на себе большее влияние андроновских племен, чем их современники на Томи. Это проявилось в орнаментации сосудов, близкой к андроновской. Очевидно, это же самое произошло и на Среднем Урале. Однако в Прикамье дело обстоит иначе. Черты турбинской культуры, сложившиеся в начале II тыс. до н. э., существуют в Прикамье и в конце этой эпохи, что особенно заметно по материалам стоянки Бор II, где можно найти наконечники стрел, ножи, скребки и керамику, по формам своим восходящие к раннетурбинскому времени. В это время на средней Оби, т. е. в районе существования томской культуры, появляются новые племена, принесшие с собой совершенно иную культуру, которую одни называют карасукской, другие — ирменской. Элементы этой культуры проникают далеко на северо-запад, в район сузгунской культуры, которая в поздние этапы своего существования приобретает целый ряд карасукских черт. Однако в тобольско-тюменском районе резкой смены одной культуры другою, как это случилось в Среднем Приобье, не произошло. Вследствие этого здесь чувствуется преемственность в керамике II и I тыс. до н. э.

Таким образом, общность культуры Приуралья, Среднего Урала и таежной зоны Западной Сибири, сложившаяся в период неолита и существовавшая в течение II тыс. до н. э., накануне I тыс. до н. э. была нарушена. Традиции турбинской культуры продолжают жить только в Приуралье, где в своем дальнейшем развитии приводят к сложению ананьинской культуры.

Если допустить, что высказанное в начале статьи предположение об этническом единстве неолитических племен в южной части тайги Западной Сибири является верным, то мы приходим к выводу, что такое же этническое единство должно было существовать и во II тысячелетии до н. э., но было нарушено затем на грани II и I тысячелетия. Разумеется, это не значит, что в карасукское время связи Западной Сибири и Приуралья прекратились, хотя такого единства, которое отмечалось в предшествующее время, уже не было. Однако этот вопрос требует специального исследования.